Педагогические идеи Кязима Мечиева

Кучукова Зухра Ахметовна – д-р филол. наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова (Нальчик, Россия); kuchuk60@list.ru

Берберова Лиана Бурхановна – канд. пед. наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия); berberova.liana@yandex.ru

Аннотация. *В статье собраны и систематизированы ключевые педагогические идеи балкарского классика К.Б.Мечиева (1859–1945), нашедшие отражение в его поэтических текстах. Установлено, что автор в своих произведениях философской направленности призывает читателей учитывать закон диалектического единства противоположностей, придерживаться принципа «золотой середины», избегать крайностей. Рассмотрен трудовой этический кодекс поэта, предусматривающий гармоничное сочетание физической и умственной деятельности. Изучены его анималистические и вегетативные стихотворения, обучающие читателя экологической культуре. Подтвержден двуединый принцип К.Мечиева, ориентированный на сохранение этнонациональной идентичности с параллельным расширением зоны кросс-культурных контактов.*

Ключевые слова. *Балкарская поэзия, Кязим Мечиев, воспитательный потенциал, диалектическое мировоззрение, бинарный труд, экология, межкультурная коммуникация, уроки депортации.*

Художественная ценность любого авторского гипертекста определяется его многослойностью, наличием в нем значительного количества дискурсов, охватывающих почти всю онтологию человека. Свойством подобной тематической полифонии обладает творчество основоположника балкарской литературы, поэта Кязима Беккиевича Мечиева (1859–1945). В его произведениях историк найдет искомую ретроспекцию, фольклорист – стихию народного творчества, этнограф – описание кавказских обычаев, философ – мыслительные координаты горцев, языковед – ценный лингвистический материал, теолог – духовные аспекты бытия, гендеролог – суть мужских и женских социальных конструктов в традиционном обществе, учитель – этномаркированные педагогические идеи и т.д.

Нельзя сказать, что творчество К.Б.Мечиева обделено исследовательским вниманием. Интересные факты, связанные с биографией поэта, освещены в монографии Т.Ш.Биттировой [1], тонкий анализ философской лирики поэта представлен в трудах Р.А.Кучмезовой [2; 3], добротная диссертация о нем написана А.Б.Габаевой [4], краткий очерк Ф.Т.Узденовой о творчестве поэта помещен в «Биобиблиографический словарь» [5]. Особо следует отметить двойной вклад в кязимоведение А.М.Теппеева [6; 7] и А.М.Бегиева [8], которые «пошли в народ» и из разных источников по крупицам собрали стихи К.Мечиева, а затем издали сборники с собственными обширными комментариями. На основе «всенародного интервьюирования» уникальную книгу о Кязиме выпустили в свет Мария и Виктор Котляровы [9]. К этому следует добавить ежегодно проводимые в Кабардино-Балкарии Кязимовские чтения и научные конференции различного уровня, неизменно привлекающие внимание любителей северокавказской поэзии.

Считаем, что с переводами К.Мечиеву очень повезло: переложением его стихотворений на русский язык занимались три

ярких представителя отечественной переводческой школы – С.И.Липкин, М.И.Синельников и Г.Б.Яропольский. Ввиду высокого качества переводов в ходе нашей дальнейшей работы считаем правомерным использование наряду с подстрочниками и художественных версий вышеназванных русских переводчиков.

Актуальность настоящей статьи обусловлена неизученностью педагогического дискурса мечиевской поэзии. Между тем, как весьма точно отмечает Т.Ш.Биттирова, «никакая идеология не оказала такого воздействия на формирование художественного сознания и идеологических воззрений балкарского народа, как поэзия Кязима Мечиева» [1, с. 6]. ***Цель исследования*** – выявить комплекс ключевых педагогических идей поэта и в структурированной форме поэтапно отрефлексировать каждую дидактическую единицу в тесной соотнесенности с релевантными литературными текстами. Достижение данной цели предусматривает решение ***задач***, ориентированных на концептуализацию мечиевских дидактических идей, которые связаны с философией «золотой середины», культом труда, этнокультурной самозащитой, межкультурной коммуникацией, уроками депортации. Для этого используются дополняющие друг друга ***методы***: ретроспективный, аксиологический, сравнительно-исторический, интертекстуальный, семиотический, а также типологизация, классификация, систематизация, обобщение.

Материалом исследования стали все издания К.Б.Мечиева на родном языке и в русских переводах; литературоведческие труды отечественных филологов, материалы научных конференций, посвященных балкарскому поэту. Его ***теоретико-методологическую базу*** составили труды Г.Д.Гачева [10] о менталитете разных народов мира, К.К.Султанова [11] – об этнонациональной идентичности в международном диалоге, Ф.Г.Бозиевой – о самовоспитании личности [12].

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использовать выявленный и научно отрефлексированный педагогический, воспитательный потенциал поэтического наследия Кязима Мечиева в системе общеобразовательных и высших школ Северного Кавказа и Российской Федерации в целом.

Кязим-диалектик. Одна из особенностей мечиевской поэтики заключается в авторской склонности показывать, манифестировать диалектическое единство противоположностей. Об этом свидетельствуют и факты биографии, и мировоззренческие идеи. Приведем пример. Поэт был религиозным, высокодуховным человеком, и, несмотря на врожденную хромоту, совершил несколько паломничеств в Мекку. У него много произведений на религиозную тематику (в том числе – жития святых), но он не является религиозным фанатом, поскольку даже в теологической сфере соблюдает «принцип золотой середины». Представители карачаево-балкарского народа часто цитируют афористичное двустишие К.Мечиева:

Думая о загробной жизни, не игнорируй этот мир,
Думая об этом мире, не забывай о посмертном существовании [13].

В представлении Кязима земные и духовные блага неразделимы, и только их гармоническое сочетание может даровать личности ощущение полноты бытия. Нарушение данного баланса чревато:

Если труд твой земли не вращал жернова,
Если не был тебе каждый встречный что брат,
То мольбы бесполезны, напрасны слова:
Не удержит тебя мост над адом – Сыйрат![1] [14, с. 104].

[1] Перевод Г.Яропольского.

В процессе формирования столь прогрессивных для того времени философско-эстетических взглядов балкарского поэта исследователи отмечают выдающуюся роль преподавателя Безенгийской духовной школы Чепеллеу Бозиева: его «блестящее образование, дар видеть внутреннюю сущность человека, личностная незаурядность» создавали «особую атмосферу на занятиях, а для Кязима встреча с ним была одним из радостных и важных даров судьбы» [3, с. 6].

Р.А.Кучмезова считает, что именно Ч.Бозиев научил юного Кязима широко мыслить, он в своей поэзии призывает «не делить людей на мусульман и христиан («Мы братья по вере») [3, с. 46]; не считает зазорным поэтизировать Апсаты – доисламского заступника диких животных [3, с. 47], некоторые культы древнетюркского тенгрианства называет «надежным нравственным компасом» [3, с. 47]. До недавнего времени считалось, что Кязим – «поэт от сохи», «от кузнечной наковальни», но теперь уже доказано, что его начальное образование в бозиевской духовной школе было качественно пролонгировано «устазом[2] из Кумыкии по имени Татау» [1, с. 41], наставниками примечетского медресе «в кабардинском селении Лескен» [1, с. 42], а также «лекторами Каирского университета Аль-Азхар» [1, с. 43], услышанными во время длительных восточных паломничеств.

Культ труда. Отечественный этнолог и кавказовед Н.П.Тульчинский, характеризуя балкарцев, отметил: «Можно с уверенностью сказать, что из всех народностей Терской области, и, пожалуй, всего Кавказа, население Пяти горских Обществ Кабарды является самым нравственным, честнейшим, тихим, трудолюбивым племенем» [15, с. 99]. Поддерживая данную мысль, Р.А.Кучмезова выдвигает гипотезу о том, что «выработанное в борьбе с суровой действительностью и природой трудолюбие особенным образом отражается на нравственности горских народов» [3, с. 48]. Лингвист З.М.Габоева, сравнивая традиционные формулы приветствия у разных этносов, подчеркивает уникальный характер карачаево-балкарского пожелания «Танг ахшы болсун!» («Пусть будет добрым рассвет!»), свидетельствующего о том, что кавказские горцы испокон веков «начинают трудиться с раннего утра, с рассвета» [16, с. 47].

Как мы отметили выше, у К.Мечиева была врожденная хромота, но это никак не отразилось на его работоспособности, которая была колоссальной: Кязим «одновременно занимался тремя видами трудовой деятельности – кузнечным ремеслом, поэзией, врачеванием» [3, с. 58], и к этому следует добавить и самый энергозатратный телесный труд, связанный с трехкратным, практически пешим паломничеством до святынь Мекки (Саудовская Аравия).

Наилучшим образом этот духовно-физический подвиг Кязима Мечиева выразил Муталип Беппаев (р. 1949 г.), который написал парадоксальные строки, поставив балкарского поэта в один ряд с Гомером и Бетховеном:

Даже если бы я был слепым,
Не смог бы увидеть все, что видел Гомер.
Даже если бы я был хромым,
Я бы не смог пройти столько дорог,
как Кязим.
Даже если бы я был глухим,
Я бы не смог столько всего услышать,
как Бетховен [17, с. 5].

Персональный трудовой этический кодекс К.Мечиева по наследству передается северокавказским писателям, которые традиционно считают признаком дурного тона быть «белоручкой», заниматься только «чистым искусством». Выпускники Литинститута, вернувшиеся из Москвы на малую родину, от стар-

[2] *Устаз* – учитель, наставник в исламе.

ших собратьев по перу всегда слышали назидательные слова: «Будь, как Кязим, гармонично сочетай умственный труд за письменным столом с физическим трудом возле условной наковальни!» [13]. Кстати, в этом отношении показательна фотография Кайсына Кулиева[3], работающего на сенокосных угодьях Кабардино-Балкарии.

В 1944 г., находясь в казахстанской ссылке, 85-летний Кязим Мечиев обратился к своему депортированному многострадальному народу:

Честный труд – спаситель наш сегодня,
Он оденет и прокормит нас.
Силы даст держаться благородней
И достойней встретить горький час.
Свой народ прошу – с бедою споря,
Жить работой, почитая труд,
Совести не забывать и в горе,
И наветы, верю, отпадут[4] [18, с. 164].

Кязим был из тех мировых мудрецов, которые считали, что руки даны человеку для созидательного труда. Как и французский философ-просветитель XVIII в. Вольтер, он мог бы сказать, что «труд избавляет человека от трех великих зол – скуки, порока и нужды» [19, с. 218]. Степень усвоенности балкарским народом «уроков трудолюбия» К.Мечиева подтверждается и статистическими данными о колоссальном количестве среднеазиатских спецпереселенцев Северного Кавказа, награжденных за доблестный труд почетными грамотами, медалями, орденами. Среди них – трое Героев Социалистического Труда: Ибрагим Жангуразов, Шухаиб Келеметов, Маруа Узденова.

Экологические уроки К.Мечиева. Одной из примет настоящего времени является «необъявленная война природе», оборачивающаяся постепенным, трагическим перемещением многих видов растений и животных из реального мира флоры и фауны на страницы «Красной книги», которую можно назвать постыдной хроникой цивилизованного человечества.

В этих условиях бесценным представляется художественный опыт писателей-гуманистов, поднимающих острую проблему дефицита экологической культуры. Как отмечает философ и литературовед М.Н.Эпштейн, «художественное освоение мира животных – одна из тех пограничных проблем, где пересекается интересы этики и эстетики, экологии и культурологии. Именно животные представляют ближайший, родственный человеку мир природы, который в наибольшей степени нуждается в экологической защите» [20, с. 126].

Охотничий промысел в горах Балкарии издревле являлся основным средством пропитания для населения. При этом коллективным народным умом были четко разработаны строгие этико-экологические ограничители для добытчика, чтобы тот соблюдал меру и лишнюю дичь не убивал. Достаточно отметить, что в языческой субкультуре присутствуют своего рода надзорно-дисциплинарные божества Апсаты и Байдымат. Их роль наилучшим образом представлена в фольклорной лиро-эпической поэме «Бийнёгер» [21]. Суть поэмы в том, что одноименный герой в своем охотничьем кураже начал бездумно истреблять диких животных. В финале за это преступник жестоко наказывается богиней Байдымат, которая заманивает его на погибельный пятачок скальной западни на съедение орлам.

Культуролог М.Н.Эпштейн ввел в литературу синтетическое понятие «гуманима-

[3] *Кайсын Шуваевич Кулиев* (1917–85) – советский балкарский поэт, прозаик, журналист, общественный деятель, ветеран Великой Отечественной войны. Лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР имени Максима Горького.

[4] Стихотворение «Многострадальный мой народ» (Перевод М.Синельникова).

лизм» (от сокращенной формы словосочетания «гуманистический анимализм»). Он справедливо считает, что «отношением человека к животным измеряется его человечность» [20, с. 130]. Высшей пробой гуманизма пронизана вся поэтическая анималистика Кязима Мечиева, ядро которой составляют стихотворения «Моему псу», «Воробью, который сел в нашем дворе», «Мать охотника», «Ослику с израненной спиной, «Моя корова».

Для обозначения собаки в балкарском языке имеется несколько лексических номинаций, но из них всех автор выбирает самый облагороженный, возвышенный вариант – «парийим». Любопытно, что лирический герой (за которым угадывается личность Кязима), подмечает в четвероногом друге качества, присущие ему самому: собака охраняет домашнее хозяйство, стадо и в то же время в кузнице слушает его стихи («Умнее, чем знаток иной / О них беседует со мной» [18, с. 67]. По отношению к собаке поэт использует балкарское слово «нёгер» – друг, приятель, собеседник.

С теми же чувствами любви и сострадания лирический герой относится к воробью, который в поисках пищи оказывается возле кузницы, к ослику «с израненной спиной», чью боль он излечивает отваром целебных трав и своими поэтическими строками [18, с. 100]. Автор подчеркивает, что домашние животные эмоционально очень близки человеку, воспринимаются как родственные души. В этом же логическом ряду находится и стихотворение К.Мечиева «Моя корова», где лирический герой благодарит бескорыстную кормилицу «за молоко и айран» [18, с. 150].

Народы, занимающиеся охотничьим промыслом, всегда вынуждены для себя решить сложнейшую онтологическую и этическую проблему, связанную с убийством животного. С одной стороны, жаль отнимать жизнь у представителей «братьев наших меньших», а с другой – без полноценной белковой пищи горец не выживет в суровых условиях.

Кязим Мечиев в зооморфных произведениях попытался дать свою – художественную – версию ответа на данный вопрос в лиро-эпической поэме «Раненый тур». В ней речь идет об охотнике Хашиме: из этических соображений он отказывается стрелять в израненного, хромого тура, который поднимался на горную кручу «обреченно, но с большим достоинством» [3, с. 84]. В душе охотника сработал некий «категорический императив», запрещающий убивать слабого, который из-за своего критического состояния не способен даже оказать сопротивления. По сюжету поэмы поступок Хашима, его философию поняли дети и жена.

Думается, именно в недрах этого мечиевского «гуманимализма» и зародилось впоследствии знаменитое стихотворение Кайсына Кулиева «Никогда не буду охотником» [22, с. 360], где в утопической форме изображается наступление «золотого века», исключающего всякое насилие одних живых существ над другими.

Как настоящий поэт с философским складом ума, К.Мечиев одухотворяет и предметы материального мира, вступает с ними в диалог, благодарит их за помощь человеку. В такой исповедальной, экспрессивной форме от первого лица написаны «Стихи, сказанные одинокой иве у горной реки» и «Мой старый кувшин». Идеал поэта – упорядочить бытовой уклад и узаконить гармоничное, бесконфликтное сосуществование с окружающим миром.

Этнокультурная самозащита. Важное место в мировоззрении К.Мечиева занимает принцип меры, равновесия, гармонии. Он очень любит свою малую родину, но не этноцентрист, любит весь мир, но при этом не космополит. В его культурном сознании мирно уживаются локальные и универсальные ценности. Далее для удобства анализа рассмотрим их по отдельности.

Корневой основой собственного «Я» поэт считает дом, свою родную саклю, расположенную на склоне Шикинского холма в Хуламо-Безенгийском ущелье. Эти мысли отражены в его стихотворении «Мой старинный дом» («Эски юйюм»). У каждого человека на земле есть свое «место силы». Данное метафорическое выражение автор для наглядности приводит в опредмеченной форме: «"Юйюм" деген юйю тенгли таш кётюрюр» («Сказавший "мой дом" поднимет камень величиной с этот дом») [7, с. 30]. Глубокий смысл афоризма заключается в том, что жилище наделяет своего обладателя настолько громадной энергетической силой, что тот способен совершить любые подвиги.

Понятие «сакральная география» имеет прямое отношение к К.Мечиеву. В стихотворении «Серый камень» он показывает, что для кавказского горца важно после смерти обрести покой именно на родной земле. Предыстория стиха такова: на обратной дороге домой из святых аравийских мест Кязим Беккиевич сильно заболел малярийной лихорадкой. В эти скорбные часы, не особо веря в шанс вернуться живым домой, он своему спутнику Локман-Хаджи Асанову продиктовал строки, обращенные к Всевышнему:

Я прошу тебя, Господи, ныне:
В серый камень меня преврати,
Но остаться не дай на чужбине,
К моему очагу возврати![5] [18, с. 78].

Кросс-культура. Дипломатический склад ума позволял К.Мечиеву обозревать всю «планету людей». На теоретическом и практическом уровнях, через книги и зарубежные странствия он постигал множество инокультурных миров, изучал иностранные языки.

Отечественный философ и литературовед Г.Д.Гачев (1929–2008) сформулировал триединый закон «Космо-Психо-Логос», согласно которому у каждого народа на Земле имеется своя экосистема (Космос), определяющая его темперамент (Психею) и систему его мыслительных координат (Логос) [10, с. 34]. Оттого единые для всего человечества бытийные универсалии каждый народ перевыражает по-своему, на свой лад, со своими акцентными ударениями. Кязим – «очень гачевский поэт» в том смысле, что он рано осознал право каждого национального художника на индивидуальную точку зрения в осмыслении вечных тем.

К.Мечиев был отлично знаком с ближневосточными лиро-эпическими поэмами «Тахир и Зухра», «Лейла и Меджнун» и создал их национальные модификации с учетом этнокультурного компонента. Во вводной части поэмы «Бузжигит» он образным, метафорическим языком подтверждает право каждого народа на самовыражение архетипических мотивов:

У каждой горы – своя река,
Своя песня, свой соловей.
Считая: «Пусть и в горах бытует»,
Я поведал эту историю[6] [7, с. 106].

Таким образом балкарский мир знакомился с ближневосточной поэтической культурой. Это было несложно, поскольку в руки грамотных горцев, кроме мечиевских переложений, попадали многие издания из Темирхан-Шоры[7], написанные на аджаме[8].

Кязим Мечиев владел арабским и многими тюркскими языками, а также фарси.

[5] Перевод М.Синельникова.
[6] Подстрочный перевод авторов статьи.
[7] Книжное издательство Дагестана.
[8] *Аджам* (аджамская письменность) – арабографическая письменность, созданная на основе арабского алфавита, приспособленная к фонетическим особенностям неарабских языков.

Полилингвальный просветитель и поэт, осознававший свой крен в сторону восточной культуры, с глубоким сожалением отмечает, что он недостаточно хорошо знаком с западноевропейской культурой, что ему не представился случай выучить русский язык. В 1906 г. свои душевные терзания по этому поводу он выражает в стихотворении «Ичги сёз» («Мое искреннее слово»), посвященном его любимому учителю Чеппелеу Бозиеву. Приведем текст целиком в оригинале и переводе:

Ай, Чёпеллеу, къонагъым,
Бюгюн санга сёзюм бар, –
Узакъ жолдан къайтханса,
Къайтхан кибик файгъамбар.

Сени кёзюнг ачыкъды, –
Орус тилни билесе.
Бу жол да кёп жер танып,
Батыр болуп келесе.

Сени кёзюнг ачыкъды, –
Кёп жерлени кёргенсе.
Кёп китапла келтирип,
Манга къууанч бергенсе.

Сени бу китапларынг
Сахтиянда, чилледе.
Не зат айта болурла,
Мен билмеген тилледе?

Ай, мен жарлы, тил билген
Болсам эди сенича.
Шималланы къыдырып,
Хапар билип келирча!

Сени китап юйюнгде
Кёп кюнлени булжудум.
Алай дуния жарыгъы
Бу китаплада сундум.

Ай, Чёпеллеу, къонагъым,
Жокъму манга бир мадар,
Орус тилни сырларын
Араб тилича ачар?

Ах, Чепеллеу, мой гость,
Мне есть о чем сегодня говорить с Тобой,–
Ты вернулся из дальних мест,
Как возвращаются пророки.

Твои глаза распахнуты, –
Ты владеешь русским языком.
И в этот раз возвращаешься богатырем,
Познав много земель.

Твои глаза распахнуты –
Ты видел множество стран.
Подарив много книг,
Ты доставил мне большую радость.

Эти твои книги
В сафьяновых, шелковых обложках.
Интересно, о чем они повествуют
На неведомых мне языках?

Ах, я несчастный,
Если б знал языки, как Ты!
Обошел бы Северные земли,
Вернулся бы с известиями!

Я в Твоей библиотеке
Многие дни коротал время.
Я понял, в этих книгах
Свет всего мира.

Ах, Чепеллеу, мой гость,
Нельзя ли меня обучить,
Чтобы я и русского языка секреты
Открывал как в арабской вязи?[9] *[6, с. 302].*

Данное стихотворение датировано 1906 г. До культурной революции 1920–30 гг. оставалось еще несколько лет. Всевышний даровал К.Мечиеву 86 лет земного бытия. Накануне Великой Отечественной войны он успел познакомиться с младшими собратьями по перу Кайсыном Кулиевым, Керимом Отаровым, увидеть издания своих первых книг в г. Нальчике, вступить в Союз писателей КБАССР (1940 г.), усвоить азы русского языка.

Уроки депортации. 8–9 марта 1944 г. в каждый балкарский дом пришла большая беда: произошло принудительное срочное переселение целого этноса с ис-

[9] Подстрочный перевод авторов статьи

конных мест проживания в чужедальние края. Эта тема долгое время считалась запретной. Но в конце XX в., в годы перестройки и гласности, стараниями представителей разных гуманитарных наук был собран богатейший историко-культурный материал, в котором нашли отражение уникальные факты о спецпереселенцах, в том числе о К.Мечиеве, высоте и силе его духа.

Так, на пути следования балкарского эшелона в Среднюю Азию произошел беспрецедентный случай. Правоверные мусульмане в силу религиозных убеждений «отказывались есть неприятно пахнувшее месиво неизвестного происхождения» [9, с. 133]. Они опасались запрещенной Кораном свинины. По воспоминаниям очевидцев, в этой критической ситуации слово взял Кязим Мечиев, который сказал: «Я беру этот грех на себя. Вы должны есть все, что бы нам ни давали, иначе мы не выживем». Мудрец приступил к еде первым, остальные последовали за ним. Как отмечают М. и В. Котляровы, «это был пример искреннего, без притворства, ощущения моральной ответственности за соплеменников человека, фанатически уверенного в том, что правда рано или поздно восторжествует. И потому надо выжить! Многие балкарцы и поныне благодарны Кязиму за то, что остались живы» [9, с. 134].

В контексте исследуемой нами проблемы данный урок К.Мечиева можно расценивать как своего рода «курс повышения квалификации для учителей», которые в экстремальный момент должны быть готовы принять адекватное решение и брать максимум ответственности за жизнь и благополучие вверенного ему коллектива.

Мечиев-поэт традиционно тяготеет к диалогическим формам стиха, вследствие чего в его произведениях часто встречаются такие коммуникативные формулы, как «брат, послушай меня» (къарындашым, тынгыла манга) [6, с. 259]; «дитя мое, не забывай об этом» (балам, аны унутма сен) [6, с. 308]; «будь осторожна, бедная птичка» (сакъ бол, жарлы чыпчыкъчыкъ) [6, с. 311]. Стилистическая фигура адресации обретает еще большую значимость в талды-курганском цикле выселенческих стихотворений Мечиева – «Многострадальный мой народ», «Выдержать!», «Завещание».

Если обобщить все советы умудренного опытом Учителя, то они сводятся к следующим инструктивным аксиологемам: верить в Бога; не ожесточаться; жить так, чтобы Зло дальше тебя не пошло; терпеть, не конфликтовать с властями; соблюдать принцип народного единства; день и ночь заниматься созидательным трудом, в том числе, по возможности учиться; сохранять исторический оптимизм. Ключевым словом в последних стихотворениях К.Мечиева является метакодовое для балкарцев понятие «таукел» (душа как гора), призывающее человека сохранять вертикаль души при любых сложных жизненных обстоятельствах.

Поведение К.Мечиева в сложнейших условиях казахстанской ссылки литературовед Р.А.Кучмезова называет «самообладанием пророка», который и «в кромешном аду способен изрекать ясные, спокойные и единственно верные слова», обращенные к поникшим соплеменникам. В рамках «магического реализма» исследовательница делает и другой вывод о дате смерти Кязима Мечиева в марте 1945 г.: «Он ушел только тогда, когда увидел – народ в песках Азии не растворится, есть у него силы на жизнь и силы на возвращение» [2, с. 126].

В заключение, основываясь на проведенном исследовании комплекса педагогических идей К.Мечиева, сделаем следующие выводы.

В целом совокупность всех произведений балкарского классика К.Б.Мечиева является источником важных воспита-

тельных идей, имеющих трансисторический характер. Пристальное изучение отдельно взятого педагогического дискурса позволяет опровергнуть мнение о малограмотном статусе Кязима, как стихотворца от «кузнечной наковальни», и установить его серьезный образовательный уровень, вплоть до учебы у лекторов Каирского университета.

Поэзия К.Мечиева учит читателя широте диалектического мышления, позволяющего обозревать в единстве константы и контексты, устойчивое и переменчивое, этнокультурное и инокультурное, что в итоге определяет гарантию прогрессивного развития как отдельной личности, так и общества в целом.

Оригинальность «уроков трудолюбия» К.Мечиева заключается в умении человека гармонично сочетать физическую работу с умственно-творческой, образно выражаясь, «ковать железо и слагать стихи».

В условиях экологического кризиса, вызванного последствиями НТР, весьма актуальными представляются анималистические и вегетативные стихотворения К.Мечиева, обучающие молодежь высокой, природосберегающей культуре.

Кязим Мечиев, как многоопытный странник-полиглот, в одинаковой степени поэтизирует локальные ценности (Балкария, дом, родной язык), так и инокультурные (зарубежье, другой мир, иностранные языки). Он за союз между Востоком и Западом.

В концентрированной форме все дидактические «абсолюты» К.Мечиева изложены в его казахстанском лиро-эпическом цикле (1944–45). Это – вера во Всевышнего, смирение, терпение, созидательный труд, исторический оптимизм.

Воспитательная риторика, педагогический посыл произведений К.Мечиева подтверждаются в текстах адресационными формулами «говорю Тебе», «послушайте Кязима», «Вникайте в мои слова».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Биттирова Т.Ш.* Кязим Мечиев: духовно-нравственные поиски и художественный мир поэта. Нальчик, 2023. 344 с.

2. *Кучмезова Р.А.* «И мой огонь горел…»: Эссе о Слове Кязима. Нальчик, 1996. 128 с.

3. *Кучмезова Р.А.* Кязим Мечиев: «Я один из вас. Я жил…». Нальчик, 2013. 152 с.

4. *Габаева А.Б.* Концепция человека в творчестве Кязима Мечиева: автореф. дис… канд. филол. наук. Нальчик, 2004. 21 с.

5. *Узденова Ф.Т.* Мечиев Кязим Беккиевич // Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в. Биобиблиографический словарь. Нальчик, 2003. С. 281–285.

6. *Мечиев К.Б.* Собр. соч.: В 2-х т. Т. I. Стихотворения и поэмы (на балкарском языке). Нальчик, 1989. 416 с.

7. *Мечиев К.Б.* Собр. соч.: В 2-х т. Т. II. Стихотворения и поэмы (на балкарском языке). Нальчик, 1989. 320 с.

8. *Мечиев К.Б.* Избранные произведения: Стихи. Поэмы. Зикры / Сост. А.М.Бегиева. Предисл. К.Ш.Кулиева (на балкарском языке). Нальчик, 2009. 576 с.

9. *Котлярова М.А., Котляров В.Н.* Боль и гордость: Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве. Нальчик, 2003. 420 с.

10. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М., 2003. 544 с.

11. *Султанов К.К.* От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М., 2007. 302 с.

12. Бозиева Ф.Г. Воспитание и самовоспитание ответственности в юношеском возрасте. Нальчик, 2021. 200 с.

13. Личный архив З.А. Кучуковой.

14. *Мечиев К.Б.* Разум и голос: Стихотворения и поэмы: Пер. с балк. / Сост. А.М.Бегиев; Вступ. ст. К.Ш.Кулиева; Пер. С.И.Липкина и Г.Б.Яропольского. Нальчик, 2009. 240 с.

15. *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды: I. Этнографически-экономический очерк. II. Горские поэмы, песни, легенды, предания, сказки и пословицы. Владикавказ, 1903. 154 с.

16. *Габоева З.М.* Концептуализация трудовой деятельности человека в разных лингвокультурах. Нальчик, 2015. 132 с.

17. *Беппаев М.А.* Уяннган къаяла (Проснувшиеся скалы). Назмула (Стихи). Нальчик, 1978. 64 с.

18. Кязим. Стихи, поэмы. Нальчик, 2003. 400 с.

19. *Вольтер*. Кандид. М.,1955. 224 с.

20. *Эпштейн М.Н.* Мир животных и самопознание человека // Человек – природа – искусство. Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения. Ленинград, 1986. С. 126–146.

21. *Хабичев М.А.* Бийнегер: Карачаев. нар. поэма. Черкесск, 1984. 47 с.

22. *Кулиев К.Ш.* Стихотворения. Поэмы. Собр. соч. в 3-х т. Т. 2. 1961–1969 / Пер. с балкар. М., С. 360–361.

Дата поступления – 13.11.2025

Kyazim Mechiev's pedagogical ideas

Zukhra A. Kuchukova – Dr. Sci. (Philology), professor, Department of Russian and Foreign Literature and Journalism, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M.Berbekov (Nalchik, Russia); kuchuk60@list.ru

Liana B. Berberova – Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia); berberova.liana@yandex.ru

Abstract. *This article collects and systematizes the key pedagogical ideas of the Balkar classic poet K.B. Mechiev (1859-1945), reflected in his poetic texts. It is established that in his philosophical works, the author urges readers to consider the law of the dialectical unity of opposites, adhere to the principle of the «golden mean», and avoid extremes. The poet's ethic code, which provides for a harmonious combination of physical and mental activity, is examined. The poet's animalistic and vegetative poems, which teach readers ecological culture, are studied. K.Mechiev's dual principle, aimed at preserving ethnonational identity and expanding the zone of cross-cultural contacts, is confirmed.*

Key words. *Balkar poetry, Kyazim Mechiev, educational potential, dialectical worldview, binary labor, ecology, intercultural communication, lessons of deportation.*

REFERENCES

1. *Bittirova T.Sh.* Kjazim Mechiev: duhovno-nravstvennye poiski i hudozhestvennyj mir pojeta [Kyazim Mechiev: spiritual and moral quests and the artistic world of the poet]. Nal'chik, 2023. 344 p.

2. *Kuchmezova R.A.* «I moj ogon' gorel…»: Jesse o Slove Kjazima ["And my fire burned ...": Essay on the Word of Kyazim]. Nal'chik, 1996. 128 p.

3. *Kuchmezova R.A.* Kjazim Mechiev: «Ja odin iz vas. Ja zhil…». [Kyazim Mechiev: "I am one of you. I lived ..."]. Nal'chik, 2013. 152 p.

4. *Gabaeva A.B.* Koncepcija cheloveka v tvorchestve Kjazima Mechieva: avtoreferat dis… kand. filol. nayk [The concept of man in the works of Kyazim Mechiev: abstract of the dis. of the Cand. of Philology]. Nal'chik, 2004. 21 p.

5. *Uzdenova F.T.* Mechiev Kjazim Bekkievich // Pisateli Kabardino-Balkarii (XIX – konec 80-h gg. XX v. Biobibliograficheskij slovar' [Mechiev Kyazim Bekkievich // Writers of Kabardino-Balkaria (19th – late 1980s. Biographical Dictionary]. Nal'chik, 2003. P. 281– 285.

6. *Mechiev K.B.* Sobranie sochinenij: V 2-h t. T. I. Stihotvorenija i pojemy (na balkarskom jazyke) [Collected Works: In 2 volumes. Vol. I. Poems and verses (in the Balkarian language)]. Nal'chik, 1989. 416 p.

7. *Mechiev K.B.* Sobranie sochinenij: V 2-h t. T. II. Stihotvorenija i pojemy (na balkarskom jazyke) [Collected Works: In 2 vol. Vol. II. Poems and verses (in the Balkarian language)]. Nal'chik, 1989. 320 p.

8. *Mechiev K.B.* Izbrannye proizvedenija: Stihi. Pojemy. Zikry. / Sost. A.M.Begieva. Predisl. K.Sh.Kulieva (na balkarskom jazyke) [Selected Works: Poems. Poems. Zikrs. / Comp. A.M.Begieva. Preface by K.Sh. Kuliev (in Balkarian)]. Nal'chik, 2009. 576 p.

9. *Kotljarova M.A., Kotljarov V.N.* Bol' i gordost': Kniga o mudrom kuznece Kjazime Mechieve [Pain and Pride: A Book about the Wise Blacksmith Kyazim Mechiev]. Nal'chik, 2003. 420 p.

10. *Gachev G.D.* Mental'nosti narodov mira [Mentality of the Peoples of the World]. Moscow, 2003. 544 p.

11. *Sultanov K.K.* Ot Doma k Miru: jetnonacional'naja identichnost' v literature i mezhkul'turnyj dialog [From Home to the World: Ethnonational Identity in Literature and Intercultural Dialogue]. Moscow, 2007. 302 p.

12. *Bozieva F.G.* Vospitanie i samovospitanie otvetstvennosti v junosheskom vozraste. [Education and Self-Education of Responsibility in Adolescence]. Nal'chik, 2021. 200 p.

13. Lichnyj arhiv Z.A. Kuchukovoj [Personal archive of Z.A.Kuchukova].

14. *Mechiev K.B.* Razum i golos: Stihotvorenija i pojemy: Per. s balk. [Reason and Voice: Poems and Poems: Trans. from the Balkarian]. Sost. A.M.Begiev; Vstup. st. K.Sh.Kulieva; Per. S.I.Lipkina i G.B.Jaropol'skogo. Nal'chik, 2009. 240 p.

15. *Tul'chinskij N.P.* Pjat' gorskih obshhestv Kabardy: I. Jetnograficheskо-jekonomicheskij ocherk. II. Gorskie pojemy, pesni, legendy, predanija, skazki i poslovicy [Five Mountain Societies of Kabarda: Ethnographic and Economic Essay. II. Mountain Poems, Songs, Legends, Folktales, Fairy Tales, and Proverbs]. Vladikavkaz, 1903.194 p.

16. *Gaboeva Z.M.* Konceptualizacija trudovoj dejatel'nosti cheloveka v raznyh lingvokul'turah [Conceptualization of Human Labor Activity in Different Linguistic Cultures]. Nal'chik, 2015. 132 p.

17. *Beppaev M.A.* Ujanngan kъajala (Prosnuvshiesja skaly). Nazmula (Stihi) [Awakened Rocks. Poems]. Nal'chik, 1978. 64 p.

18. Kjazim. Stihi, pojemy [Kyazim. Poems, verses]. Nal'chik, 2003. 400 p.

19. *Vol'ter*. Kandid [Candide]. Moscow, 1955. 224 p.

20. *Jepshtejn M.N.* Mir zhivotnyh i samopoznanie cheloveka. [The Animal World and Human Self-Knowledge]. Chelovek – priroda – iskusstvo. Hudozhestvennoe tvorchestvo. Voprosy kompleksnogo izuchenija [Man – nature – art. Artistic creation. Issues of comprehensive study]. Leningrad, 1986. P. 126–146.

21. *Habichev M.A.* Bijnjoger: Karachaev. nar. pojema [Biyneger: Karachaev. nar. the poem]. Cherkessk, 1984. 47 p.

22. *Kuliev K.Sh.* Sobranie sochinenij v 3-h tomah. T. 2. Stihotvorenija. Pojemy. 1961–1969. [Collected works in 3 vol. T. 2. Poems. Poems. 1961–1969]. Per. s balkar. Moscow, 1977. P. 360–361.

Submitted – 13.11.2025